

УДК 327.221.7(510)

ВОЗДЕЙСТВИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ КИТАЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ТАН

Сюэ Жэнь

аспирант

Белорусский государственный университет

В статье проанализировано воздействие конфуцианства на внешнюю политику Китая в период правления династии Тан (618–907 гг.). Новизна статьи заключается в оценке роли и места конфуцианских идей во внешней политике Китая в рассматриваемый временной период, анализе связи между конфуцианскими догматами и практикой внешней политики Танской империи.

Ключевые слова: династия Тан, конфуцианство, внешняя политика, дипломатия, культура.

Введение

Правление династии Тан (618–907 гг.) являлось периодом экономического расцвета, политического могущества и блеска культуры императорского Китая.

Цель данной статьи заключается в оценке воздействия конфуцианства на внешнюю политику Танской империи.

Задачи исследования заключаются в оценке роли и места конфуцианства в процессе государственного строительства Танской империи и его влияния на имперскую «мироустроительную» политику, выявлении особенностей сочетания конфуцианских догматов с дипломатической практикой танских императоров, раскрытии основных результатов влияния конфуцианства на политику и культуру народов и государств, не входивших в состав Танской империи.

Проблематика, связанная с воздействием конфуцианства на внешнюю политику династии Тан привлекала внимание исследователей в Китае и за его пределами, хотя специальных работ, посвященных роли конфуцианства во внешней политике Китая времен Танской империи, не появилось. Оценка роли и места конфуцианства осуществлялась в виде отдельных сюжетов в научных книгах и статьях.

Китайские авторы, в частности Ван Чжэньпин, Жэнь Шиин, Ли Далун, Ли Хунбинь, Янь Хэн, обращали внимание на гибкость танской политики в отношении «варваров» и считали, что такой подход не являлся

отходом от конфуцианских догматов, но придал внешней политике Китая больше гибкости и возможности оказывать культурное влияние на другие народы [1; 2; 3; 4; 5].

Российские исследователи И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова, А. Д. Зельницкий и казахский исследователь А. К. Камалов считали, что танские императоры не отказывались от основ конфуцианской «мироустроительной» концепции [6; 7; 8; 9].

Американские авторы М. Э. Льюис и Дж. К. Скафф обращали внимание на то, что танские императоры формировали внешнюю политику империи в контексте идейной «триады» – конфуцианства, даосизма и буддизма [10; 11]. Дж. К. Скафф считал, что в отношениях с тюркскими народами правители династии Тан отступали от конфуцианских догматов [11, p. 7].

Основная часть

Во времена правления династии Тан конфуцианство сохраняло статус государствообразующей доктрины Китая. Большим почитателем конфуцианства был император Тай-цзун (627–649 гг.). После вступления на престол он предписал почитать Конфуция как «первейшего мудреца» (*сянь шэн*, 先圣), а также создать конфуцианские школы. По приказу Тай-цзуна в 627 г. был составлен «Новый свод ритуалов» (Синь ли). Знание традиционных канонов конфуцианства являлось первостепенным требованием к претендентам на государственную службу [7, с. 49–50].

В 630 г. Тай-цзун приказал осуществить систематизацию конфуцианских текстов. В 633 г. был создан фундаментальный труд «Пятикнижие с высочайше одобренными комментариями» (Уцин чжэньи), который представлял собой всеобъемлющее и систематическое обобщение классических конфуцианских книг со времен династии Хань.

При династии Тан была уточнена концепция «небесного мандата», или «Поднебесной» (*Тянься*, 天下). В составленном Тай-цзуном в 648 г. политическом завещании «Правила для

императоров» (Ди фань) проводилась мысль, что истинный государь обладает «небесным мандатом» и благой силой *дэ* [6, с. 463].

Правители Танской империи руководствовались принципом китаецентричности мира и рассматривали ханьцев (китайцев) как народ, превосходящий зарубежных «варваров» по уровню развития [10, р. 108]. Равенство других народов они признавали крайне неохотно и шли на такой шаг в виде исключения из дипломатических правил (равноправные отношения Танская империя устанавливала лишь с Тюркской империей в 618–625 гг. и Тибетом в 781–841 гг. [10, р. 108]). Соответствующий подход распространялся и на внешнеторговые операции. Поступление товаров извне рассматривалось как дань от вассалов империи.

Следуя конфуцианским канонам, власти Танской империи придавали большое значение соблюдению ритуала (*ли*, 禮). Внешнеполитический аппарат Танской империи предусматривал четкое разделение на лиц, составлявших документы (Чжу Гэсы) и наделенных представительскими полномочиями (Хун Лусы). Прием иностранцев осуществлялся на основе специальной процедуры Си Фангуань. Каждому иностранному послу предоставлялся персонал для приема, сопровождения, ведения протокола, изучения условий и обычаев государства, из которого прибыл гость. В дальнейшем все дипломатические записи передавались на хранение в коллегию историографов династии Тан [12, с. 18].

Принятие «дани» (товаров извне) сопровождалось отправкой за рубеж ответных даров императора, стоимость которых порой превосходила стоимость зарубежной «дани». При приеме иностранных послов все расходы по их пребыванию в империи принимало на себя имперское правительство [13, с. 193].

Изначально правители Танской империи не стремились к значительному расширению ее пределов. Активнее всего этот процесс происходил при Тай-цзуне, который в конце своего правления отметил: «...Мы подчинили священным мечом двести царств, усмирили четыре моря, варвары далеких стран одни за другими также изъявляют свою покорность» [14, с. 76].

В период расцвета Танская империя включала обширные территории от Кореи до Персии и от Вьетнама до Тянь-Шаня. Территориально она превосходила Ханьскую империю [7, с. 170]. Танские императоры на ранней стадии существования империи поспособствова-

ли развитию внешней торговли по Великому Шелковому пути, который связывал Китай со странами арабского Востока и Европы. Активно развивалась и морская торговля Китая со странами Южной и Западной Азии и Тропической Африки.

Правители династии Тан использовали конфуцианскую концепцию «добродетели в отношении четырех варваров». В «Новую историю династии Тан» («Синь таншу») было внесено следующее утверждение: «В древности те, кто занимался управлением Поднебесной, усиленно распространяли свое *дэ*, а не расширяли территорию. Если силы *дэ* недостаточно, то пусть даже земли государства обширны, их все равно невозможно будет удержать» [15].

Династия Тан постоянно направляла посланников в «варварские земли», рассчитывая, что образ процветающей империи поспособствует «исправлению варваров». Во времена правления Тай-цзуна правовые нормы «варваров» использовались в имперском законодательстве. Поощрялось и распространение китайской культуры среди «варваров».

В случаях военных столкновений с другими государствами и народами танские императоры стремились представить применение силы как проявление справедливости. В частности, начав войну против корейского государства Когурё в 644 г., Тай-цзун отметил: «Людун прежде был китайской землей, а главнокомандующий (моличжи, манниджи) [Цюань Гэсувэнь] злодейски убил своего государя. Посему я лично вознамерился идти походом в эти пределы» [8]. Схожая ситуация сложилась в 671 г., когда китайский военачальник Сюэ Жэньгуй в ответ на изгнание танских войск с бывших пэкческих земель обвинил силлаского правителя Мунму-вана в сыновьей непочтительности [16, с. 15].

Следует обратить внимание на то, что императоры династии Тан творчески использовали конфуцианские подходы к «варварам». Император Тай-цзун говорил: «Начиная с древних времен все правители ставили превыше всего китайцев и с презрением смотрели на «варваров». Лишь я любил и тех, и других одинаково. Поэтому племена иноземцев относились ко мне как к своему отцу и своей матери» [17].

Весной 630 г. главы северо-западных племен тюрков-тацзюэ предложили императору Тай-цзуну принять титул Небесного кагана (*Тянь-кэхан*), который символизировал его право на сюзеренитет над ними. Император

принял это предложение. Принятие нового титула поспособствовало политическому признанию власти императора «варварскими» племенами и облегчило распространение китайской культуры, в том числе конфуцианства, на землях «варваров».

Конфуцианство оказало значительное влияние не только на территории, подвластные империи, но и на Корею, Японию, Вьетнам и Тибет, которые в состав Танской империи не входили.

Первоначально конфуцианство стало распространяться в Корее, куда проникло еще в IV в. до н.э. [18, с. 84]. Активнее всего оно распространялось в государстве Силла, которое в 668–935 гг. объединяло большую часть корейских земель. По мнению российских и китайских ученых, основным источником распространения конфуцианства стало изучение конфуцианских канонических текстов корейскими студентами [18, с. 84; 19, с. 51]. По образцу Танской империи в Силла стали проводиться экзамены на занятие государственных должностей, а в основу идеологии легло конфуцианское социально-этическое учение, основанное на соблюдении ритуалов и нравственном управлении государством. Правители Силла считали себя формальными вассалами «Небесной династии» Тан, поддерживая идею централизованного мира [16, с. 154–155].

В Японии конфуцианство появилось в IV в. Согласно японским преданиям, первыми конфуцианцами в Японии стали корейские ученые, обучавшие здешних наследных принцев [20, с. 10]. В середине VI в. в Японии стали распространяться идеи «Лунь Юй» (прежде всего, идея почитания предков) [21, с. 202].

Ускорение процесса распространения конфуцианства в Японии произошло во время правления династии Тан. Догматы конфуцианства, прежде всего понятие добродетели и «небесного мандата», гармонии между правителем и подданными, были учтены при разработке базовых постулатов японской идеологии в VII в. [20, с. 11; 22, с. 48; 23, с. 30–31]. Конфуцианские образцы использовались при формировании японской системы образования и разработке основ японского законодательства [20, с. 13]. Как отмечал японский ученый Дж. Китагава, «эkleктичная разновидность конфуцианства, отошедшая от классического учения древних мудрецов в эпоху Хань, дала Японии первые образцы рациональных человеческих взаимоотношений» [24, с. 45]. Японцы позаимствовали у Танской империи образ-

цы бюрократической иерархии и нормы придворного этикета [21, с. 203]. Китайский язык и китайское образование считались не только необходимыми для занятия придворных должностей, но и обязательными признаками «благородного», аристократического воспитания [21, с. 209].

Во Вьетнаме конфуцианство также распространялось среди высших слоев общества. В Чанъянь для обучения конфуцианским канонам были направлены сыновья правителя северовьетнамского государства Зяоти Кхыонг Тхан Зыка Кхыонг Конг Фу и Кхыонг Конг Фук. Кхыонг Конг Фу по итогам экзаменов получил степень «цзиньши» (наставника) и некоторое время пользовался благосклонностью императора (однако после критических высказываний в адрес императора он был смещен со своего поста), Кхыонг Конг Фук служил младшим чиновником в ведомстве ритуалов [14, с. 85].

В Тибете конфуцианство стало распространяться после династического брака между тибетским правителем Сонгцэн Гампо и танской принцессой Вэньчэн в 650 г. Тибетцы стали выезжать в Чанъянь для изучения трудов Конфуция и просили китайцев «заниматься их законами» [2, с. 116–117]. В 730 г. в Тибет было направлено конфуцианское «Пятикнижие» [25, с. 52].

Танские императоры не стремились к принудительному распространению конфуцианства за пределами империи. Фактически оно воспринималось иностранцами добровольно в качестве элемента китайской «мягкой силы». Распространителями конфуцианства за рубежом являлись руководители и члены иностранных посольств и молодые люди, которые получали образование в Китае [21, с. 212, 217]. Вместе с тем конфуцианство за пределами Китая обрело статус элитарной идеологии и в этом отношении проигрывало альтернативным идейным течениям, в первую очередь буддизму [2, с. 56; 16, с. 85–86; 19, с. 123; 22, с. 55; 24, с. 45].

Вторая половина VII в. стала временем нарастания кризисных явлений в Танской империи. В VIII в. упадок Танской империи стал очевидным. Танские правители формально придерживались конфуцианских канонических текстов при управлении империей, но на практике отдавали предпочтение альтернативным идейным течениям – даосизму и буддизму [6, с. 254–255].

Внутренний кризис осложнял международное положение Танской империи. В VIII в.

танские императоры отказались от новых завоеваний [2, с. 100–101]. Стали нарастать противоречия в ее отношениях с «варварами». В 736 г. тибетцы заняли и разграбили имперскую столицу Чаньянь. Распад Западно-тюркского каганата и поражение танского войска в сражении с арабами у реки Талас в 751 г. снизили китайское влияние в Центральной Азии. В 764 г. тибетцы завоевали город Лянчжоу, в 766 г. – города Ганьчжоу и Сучжоу, в 781 г. – город Гуанчжоу, перекрыв движение по Великому Шелковому пути [25, с. 56]. Давление со стороны уйгуров в 791 г. положило конец китайскому правлению в Восточном Туркестане почти на тысячу лет [25, с. 57].

Политика толерантности, характерная для времен расцвета Танской империи, стала сменяться политикой ксенофобии. Танские правители вновь стали акцентировать внимание на различиях между ханьцами и «варварами», отдавая предпочтение «жесткой», а не «мягкой» силе воздействия на внешних контрагентов. Император Дэ-цзун (780–805 гг.) запретил уйгурам и согдийцам носить китайскую одежду и вступать в брак с китайками, а затем приказал им покинуть Чаньянь [9, с. 210].

Ограничения распространились и на участие иностранцев в экзаменах на занятие государственных должностей в Китае и изучение канонных конфуцианства. К примеру, в 845 г. танские власти ограничили допуск к экзаменам для уроженцев Аннама: на получение степени «цзиньши» их число не должно было превышать 8 человек, а к изучению «классических» книг допускалось не более 10 человек [14, с. 85].

Отгораживание от внешнего мира сузило возможности Китая по распространению культурного влияния в мире, в том числе по распространению конфуцианства. В 907 г. Танская империя прекратила существование.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

Во время правления династии Тан конфуцианство оказывало существенное воздействие на формирование основ государственного строительства и внешней политики империи. Руководствуясь конфуцианскими догматами, танские правители рассматривали себя в качестве «мироустроителей», обладающих «небесным мандатом» на власть. Прочие народы они рассматривали в качестве «варваров» и потенциальных вассалов империи, выстраи-

вая свою политику на принципах отношений «благосклонного отца» (императора) и «неразумных детей» (иностранцев).

Активное расширение пределов империи, в особенности в VII в., вынуждало танских императоров модифицировать отдельные положения конфуцианской доктрины в отношении «варваров». В частности, император Тай-цзун в 630 г. ради привлечения тюркских народов принял титул «Небесного кагана». Иностранцы допускались к сдаче экзаменов на занятие государственных должностей в Танской империи и могли свободно изучать каноны конфуцианства. Танские императоры поддерживали заключение династических браков с правителями иностранных государств, разрешая им жениться на китайских принцессах.

Открытость по отношению к внешнему миру, которая наблюдалась в Танской империи в VII – первой половине VIII в., способствовала распространению китайской культуры, в том числе конфуцианства, за пределами империи – в Корее, Японии, Вьетнаме, Тибете. Конфуцианские идеи и принципы использовались при создании учреждений образования и политико-правовых стандартов за рубежом. Вместе с тем за пределами империи конфуцианство сохраняло элитарный характер и широкого распространения не получило.

Углубление кризисных явлений в Танской империи на заключительном этапе ее существования привело к снижению китайского культурного влияния за рубежом и нарастающую напряженность в отношениях Китая с соседями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Zhenping, Wang*. Tang China in Multi-Polar Asia : a History of Diplomacy and War / Wang Zhenping. – Honolulu : University of Hawai'i Press, 2013. – 463 p.
2. *Жэнь, Шиин* Нравы золотой эпохи Тан / Шиин Жэнь / пер. с кит. Н. В. Кумилевой, Е. А. Синельщиковой. – М. : ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 187 с.
3. *Ли, Далун* 李大龙, 汉唐藩属体制研究 = Исследование вассальных систем в династии Хань и Тан / Далун Ли. – Пекин : Издательство общественных наук Китая, 2006. – 535 с. (на кит. яз.)
4. *Ли, Хунбинь* 唐朝中央集权与民族关系 = Централизация и этнические отношения при династии Тан / Хунбинь Ли. – Пекин : Издательство Наци, 2003. – 270 с. (на кит. яз.)
5. *Янь, Хэн* 闫恒, Бань Бужибань布日. 夷夏关系与“大一统”的历史形态 = Исторический облик

- отношений между «И и Ся» и «Великого объединения» / Хэн Янь, Бужи Бань // Журнал Центральной школы социализма. – 2021. – № 4. – С. 198–208. (на кит. яз.)
6. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. – Т. III : Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907) / отв. ред. И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова; Ин-т восточных рукописей РАН. – М. : Наука – Восточная литература, 2014. – 991 с.
7. **Попова, И. Ф.** Политическая практика и идеология раннетанского Китая / И. Ф. Попова. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 279 с.
8. **Попова, И. Ф.** Танский Китай и Центральная Азия / И. Ф. Попова // Евразийский исторический сервер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasica.ru/articles/library/ifpopova_tanskiy_kitay_i_tsentralnaya_aziya/. – Дата доступа: 16.06.2023.
9. **Камалов, А. К.** Тюрки и иранцы в Танской империи / А. К. Камалов. – Алматы : ИД «Мир», 2017. – 384 с.
10. **Lewis, M. E.** China's cosmopolitan Empire. The Tang Dynasty / M. E. Lewis. – Cambridge. – London : The Belknap Press of Harvard University Press, 2009. – 356 p.
11. **Skaff, J. K.** Sui – Tang China and Its Turko-Mongol Neighbors. Culture, Power and Connections, 580–800 / J. K. Skaff. – Oxford : University Press, 2012. – 400 p.
12. **Безрученко, М. Е.** Дипломатия Древнего Китая / М. Е. Безрученко, Т. Н. Букреева // Глобализация – путь к объединению: сб. науч. ст. II Междунар. науч.-практ. конф.; под ред. Л. В. Бычковой, В. М. Кузьминой. – Курск : Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. – С. 16–19.
13. **Хэ, Маочунь** 何茂春 = Всеобщая история китайской дипломатии / Маочунь Хэ. – Пекин : Изд-во общественных наук Китая, 1996. – 771 с. (на кит. яз.)
14. История Вьетнама / отв. ред. С. А. Мхитарян; пер. с вьет. – М. : Наука, 1983. – 302 с.
15. Синь Тан шу 新唐书 = Новая история династии Тан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chinesenotes.com/xintangshu/xintangshu037.html> – Дата доступа: 10.07.2023. (на кит. яз.)
16. **Тихонов, В. М.** История Кореи : в 2 т. / В. М. Тихонов, Кан Мангиль / ред., сост., хрон. табл., сост. указателя Т. М. Симбирцева. – М. : Наталис, 2011. – Т. 1 : С древнейших времен до 1904 г. – 533 с.
17. **Сыма, Гуан** Цзы чжи тун цзянь (Всеобщее зеркало, помогающее управлению) [Электронный ресурс] / Гуан Сыма. – Режим доступа: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%B3%87%E6%B2%BB%E9%80%9A%E9%91%91%E5%8D%B7198>. – Дата доступа: 01.06.2023 (на кит. яз.)
18. **Головкова, Е. А.** Становление конфуцианства как государственной идеологии в Корее / Е. А. Головкова // Казанский вестник молодых ученых. – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 81–87.
19. **Чэнь, Шаньшэн** 陈尚胜, 论唐朝与新罗的文化交流 = О культурных обменах между династией Тан и Силла / Шаньшэн Чэнь // Журнал Шаньдунского университета. – 1995. – Вып. 4. – С. 45–51. (на кит. яз.)
20. **Горегляд, В. Н.** Классическая культура Японии : Очерки духовной жизни / В. Н. Горегляд. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. – 352 с.
21. **Радуй-Загуловский, Я. Б.** Конфуцианство и его распространение в Японии / Я. Б. Радуй-Загуловский. – М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – 452 с.
22. **Елисеев, Д.** История Японии. Между Китаем и Тихим океаном / Д. Елисеев; пер. с фр. М. Ю. Некрасова. – СПб. : Евразия, 2009. – 318 с.
23. **Пасков, С. С.** Япония в раннее Средневековье: VII–XII века. Исторические очерки / С. С. Пасков; отв. ред. Г. И. Подпалова. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 208 с.
24. **Китагава, Дж. М.** Религия в истории Японии / Дж. М. Китагава; пер. с англ. Н. М. Селливерстова. – СПб. : Наука, 2005. – 588 с.
25. **Кычанов, Е. И.** История Тибета с древнейших времен до наших дней / Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко. – М. : Восточная литература, 2005. – 351 с.

Поступила в редакцию 12.10.2023 г.
Контакты: fayastudy@qq.com (Сюэ Жэнь)

Xue Ren THE IMPACT OF CONFUCIANISM ON CHINA'S FOREIGN POLICY DURING THE TANG DYNASTY

The article analyzes the impact of Confucianism on China's foreign policy during the Tang Dynasty (618–907). The novelty of the article lies in the assessment of the role and place of Confucian ideas in China's foreign policy in the time period under consideration, and the analysis of the relationship between Confucian tenets and the practice of foreign policy of the Tang Empire.

Keywords: Tang dynasty, Confucianism, foreign policy, diplomacy, culture.